

С. 772706

На правах рукописи

КУДРЯШОВ Игорь Васильевич

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПОИСКАХ
ДУХОВНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ:
НАЦИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ИЗОБРАЖЕНИИ
П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО,
Н. С. ЛЕСКОВА, В. Г. КОРОЛЕНКО,
Г. И. УСПЕНСКОГО**

10.01.01 — русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Волгоград — 2008

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный педагогический университет».

Научный консультант — доктор филологических наук, профессор Александр Матвеевич Буланов.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор *Ирина Георгиевна Минералова* (Московский педагогический государственный университет);

доктор филологических наук, профессор *Виктория Трофимовна Захарова* (Нижегородский государственный педагогический университет);

доктор филологических наук, профессор *Адольф Андреевич Демченко* (Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского).

Ведущая организация — Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

Защита состоится 2 октября 2008 г. в 10 час. на заседании диссертационного совета Д 212. 027. 03 в Волгоградском государственном педагогическом университете по адресу: 400131, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного педагогического университета.

Текст автореферата размещён на официальном сайте Волгоградского государственного педагогического университета: <http://vspu.ru> 18 августа 2008 г.

Автореферат разослан 2 сентября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000510595

Е. В. Брысина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Русская литература второй половины XIX в. — уникальный феномен не только отечественной, но и мировой культуры Нового времени. Этот период в истории искусства, обладая цельностью и законченностью, бесспорно, имеет последовательную логику развития при наличии ярко выраженных индивидуальных особенностей.

Д. С. Лихачёв неоднократно подчёркивал органическое единство литературного и исторического процессов: «русская литература — часть русской истории. Она отражает русскую действительность, но и составляет одну из её важнейших сторон. Без русской литературы невозможно представить себе русскую историю и, уж конечно, русскую культуру»¹. Безусловно, центральным событием XIX в., во многом определившим атмосферу эпохи, стала смена общественной формации, которая выразилась в изменении ряда гражданских законоположений социально-экономического порядка: Манифест об отмене крепостного права (1861 г.) и последовавшие за ним реформы 1863 — 1874 гг. в области судебно-административной, финансовой и военной систем, а также в сфере образования и печати.

Все эти и другие реформы — попытка «пересилить» глубочайший национальный кризис с помощью кардинальных законодательных преобразований. Причем реформирование, направленное главным образом на решение социально-экономических проблем в стране, не в меньшей степени затронуло духовную сферу жизни русского человека. Вяч. Иванов, рассуждая о кризисных явлениях в жизни общества, с присущей ему метафоричностью писал: «Общий сдвиг внешних (политических, общественных, хозяйственных) отношений отвечает ещё более глубокому, быть может, и ранее начавшемуся сдвигу отношений внутреннего порядка. В существе и основе этого душевного сдвига лежит, думается, некая загадочная перемена в самом образе мира, в нас глядящегося»². Перемены, в том числе и деструктивного характера, мыслитель связывал с внутренним изменением восприятия человеком окружающего мира и, конечно, с искусством, которое испытывает на себе влияние общего духовного «сдвига». По существу в кризисные исторические моменты Вяч. Иванов видел только два выхода для искусства: или оно умирает, или выздоравливает и возрождается в новом состоянии. Разумеется, расцвет отечественной литературы второй половины XIX в. продуктивно рассматривать в

¹ Лихачев, Д. С. Избранные работы: в 3 т. Т. 1: О себе. Развитие русской литературы; Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — Л., 1987. — С. 30.

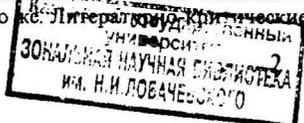
² Иванов, В. И. Родное и вселенское / В. И. Иванов. — М., 1994. — С. 103.

контексте второй тенденции, обусловленной не только негативными, но и позитивными изменениями мировоззренческого плана, общей трансформацией духовной атмосферы национальной жизни. При этом, согласно общеметодологическому принципу круговой референции, влияние внешней материальной сферы на духовную — процесс не односторонний, а двусторонний. В силу естественно-генетической взаимосвязи внутренний кризис «ответствует» транслитерациям социального опыта, который также является одним из сущностных уровней духовности.

В реферируемой работе подчеркивается: кризисность не следует отождествлять лишь с деструктивными тенденциями. Это явление гораздо более сложное, оно содержит в себе перелом, резкое изменение (болезненное, тяжелое, но позитивное и исторически оправданное) фундаментальных основ национальной социокультурной ситуации. В отличие от элементарных переходных явлений, неизменно сопровождающих историко-литературный процесс, под кризисом следует понимать динамичные и глубокие изменения, затрагивающие фундаментальные онтологические и ментальные основы и, как следствие, трансформирующие аксиологическую мировоззренческую парадигму. Многие эпохальные события российской истории сопровождались бифуркационностью, «скачками», что приводило к обострению противоречий между формами старого и нового национального существования.

Тесная связь литературы второй половины XIX в. с историческими изменениями русской жизни была очевидна людям той эпохи. Так, Н. К. Михайловский, характеризуя особенности отечественного историко-литературного процесса, справедливо отметил особо сильное влияние на литературу социально-экономических изменений в стране. Критик писал, что группа молодых беллетристов, пришедшая в искусство, стремилась привлечь внимание общества к таким сферам бытия, которые раньше не могли стать предметом художественного осмысления. Имелись в виду результаты Крымской войны и последовавшие за ней реформы, долженствующие коренным образом обновить общественный строй. «Не мудрено, что упомянутая группа беллетристов имела большой успех — она вполне соответствовала житейскому моменту, была костью от кости и плотью от плоти его»³. Исторические эпохи, вслед за Сен-Симоном, Н. К. Михайловский

³ Михайловский, Н. К. Г. И. Успенский как писатель и человек / Н. К. Михайловский // Его же. Литературно-критические статьи. — М., 1957. — С. 319.

делит на два вида — «органические и критические». Органические, по его мнению, отличаются соответствием существующих отношений «ходячим» нравственным понятиям. Феномен противоречивости для сознания подавляющего большинства людей просто не существует. К органической критик относил, в частности, национальную жизнь первой половины XIX в., которая не содержала в своей основе противоречий в отношениях между материальным («фактические отношения») и духовным («нравственные понятия») бытием нации. Современный же период российской истории он считал критическим, повлекшим «нарушение равновесия духа»: расстроилась органическая гармония социальных отношений, трансформировались нравственно-этические понятия, породив ряд противоречий национально-бытийного масштаба. Новые идеалы русской жизни («новая мысль») противоречат «дореформенным порядкам»: «Le mort saisit le vif (Мёртвый хватает живого (франц.) — наследие доброго старого времени не уступает своего места новой мысли». «Летописцем или иллюстратором этой мученической неуравновешенности» был для критика Глеб Успенский⁴.

Тем не менее Н. К. Михайловский прозорливо отметил в творчестве русских писателей общую тенденцию поисков «новой высшей гармонии», подчеркнув, что именно «критический» (кризисный) характер эпохи внёс элемент драматизма в художественное воспроизведение пореформенной действительности.

О духовном кризисе, поразившем русское общество, писали и другие критики, стоящие на иных мировоззренческих позициях, но разделявшие понимание русской жизни как нарушенной гармонии, ощущение мучительного душевного надлома, пронизывающего сознание современного человека.

Во все времена, особенно в периоды своего расцвета, русская литература стремилась удовлетворить в первую очередь духовную потребность нации, сделав в эпоху реализма огромный прорыв в художественном постижении индивидуума. Однако, в отличие от искусства слова предшествующих десятилетий, литература второй половины XIX в. не ограничивается индивидуально-этическим аспектом и возводит проблемы человековедения к проблемам социально-психологического макрокосмоса, нации в целом. Такое расширение границ художественного познания позволило наметить новые ориенти-

⁴ Михайловский, Н. К. Г. И. Успенский как писатель и человек / Н. К. Михайловский // Его же. Литературно-критические статьи. — М., 1957. — С. 346.

ры осмысления духовных процессов русской жизни в их целостности и единстве. «Нация, — писал Н. О. Лосский в работе “Характер русского народа” (1957), — есть конкретное живое бытие»⁵. Современный литературовед и философ С. Г. Семенова совершенно справедливо заметила, что «...русская литература, начиная со своего золотого XIX в., может быть, как никакая другая в мире, озабочена мировоззренческими вопросами, причем предельными, выходящими к последним обоснованиям и целям явления человека в мир, к сущности его сложной, противоречивой природы, к отношению с фундаментальными реальностями его бытия: Богом, природой, космосом, злом, смертью, зросом, другими людьми...»⁶. Выделяя «человековедческую функцию» как доминирующую, С. Г. Семенова замечает, что человек не бывает «просто» человеком; он в той или иной степени включён в ту или иную, малую или большую, общность. Фундаментальные изменения на всех уровнях дали русским писателям исследуемого периода уникальный материал для художественного освоения бытийных проблем.

Не вызывает сомнений тот факт, что у отечественного литературного процесса есть и своя собственная логика, и свои, имманентные, законы развития, но их непосредственная или опосредованная связь с историей страны несомненна. Освещению этой связи уделялось достаточно много внимания литературоведением советского периода. Однако в аспекте поиска духовной самоидентификации, который, начиная с момента возникновения искусства слова, не прекращается по сей день, отечественная словесность изучена сравнительно мало. Более того, осмысление художественного процесса как феномена, в котором немаловажную роль играет *принцип самоорганизации*, представляет в современной науке принципиально новое и перспективное направление исследовательской деятельности.

Сам по себе акт духовной самоидентификации и его отражение в искусстве слова можно рассматривать в *диахроническом* и *синхроническом* аспектах. Синхронический подход дает возможность представить горизонтальный срез этого феномена, выявить его векторальные параметры. При диахроническом подходе (вертикальный срез) вскрываются социокультурные и эстетические постулаты духовности, складывавшиеся в разные культурно-исторические эпохи. Диахронический анализ акцентирует сам процесс формирования и раз-

⁵ Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа / Н. О. Лосский. — М., 1991. — С. 324.

⁶ Семенова, С. Г. Метафизика русской литературы / С. Г. Семенова. — М., 2004. — Т. I. — С. 5.

вития ценностных приоритетов через осознание литературой своей специфики.

Духовная самоидентификация вырабатывается в ходе самоанализа, в процессе которого та или иная национальная литература осуществляет самосопоставление с аксиологическими координатами других литератур. Она также заключается в осознании литературой себя как таковой, в признании себя словесностью, выработавшей устойчивую систему координат нравственного целеполагания. Одни координаты проходят через всю историю отечественной культуры, являясь духовными и художественными константами, другие (меньшая часть) формируются на определенных этапах развития и могут быть отнесены к вариативным.

Бесспорно также, что понятие духовной самоидентификации близко понятию «духовное самосознание литературы». Схематично данное соотношение можно представить следующим образом: в ходе самоосмысления литература духовно идентифицирует себя, расширяя и углубляя сферу самосознания. Конкретные формы воплощения духовной самоидентификации, ее инварианты в отечественном литературоведении последних лет получали различные истолкования и определения: «духовная культура», «духовный мир», «национальное своеобразие», «православный характер», «соборность», «пасхальность» и т. п.

Содержание понятийного комплекса «духовная самоидентификация» зависит также от того, какое значение вкладывается в феномен духовности, который все увереннее входит в проблемное поле гуманитарного знания. В современном научно-культурном обиходе духовность понимается в широком (как концептосфера) и узком (как самостоятельный концепт) смысле. Концепт «духовность» в узком, преимущественно религиозно-теологическом значении выражает инспирированность художественного творчества Высшим Началом, его соотнесенность с Божественной Сущностью.

В широком значении духовность — это ментальная сфера, включающая в себя такие позитивные нравственно-этические концепты, как «добро», «правда», «истина», «красота» и другие, ориентированные на константные ценности бытия и культуры как религиозного, так и светского типа. Духовность в широком смысле относится к области сознания, мышления, психологических способностей — всему тому, что внутренне побуждает к действиям и деятельности, является внутренним мотивом, определяющим эту деятельность. Поэтому исследование поисков духовной самоидентификации отечественной словесности должно ориентироваться на уяснение всего комплекса ее

внутренних мотиваций (стремлений) к высшим ценностным посылам. Современные гуманитарии говорят об онтологии духовности, занимаются выяснением ее культурологических и антропологических аспектов, поднимают вопрос о социокультурных основаниях.

Русских писателей второй половины XIX в. роднит общее осознание неустроенности и несовершенства окружающей жизни, стремление к справедливому, а значит, совершенному устройству национального бытия. Такое восприятие действительности (социального, экономического, духовного и т. д. уклада) во многом определяло характер ее художественного воспроизведения, вызывало желание понять причины неустройства и ответить на извечный русский вопрос: «Что делать?». Сильнейшие деформационные сдвиги, характерные, как отмечалось, для всех сфер национального бытия второй половины XIX в., придали извечному русскому вопросу философско-эвристическую направленность, ориентированную на общее нравственное оздоровление национальной жизни.

Доминирующий в русской культуре конфликт старых (дореформенных) и новых (пореформенных) форм организации социума, а также заостренное внимание писателей на проблемах противоречивого неустроенного миропорядка предопределили тот накал драматизма, который присущ большинству произведений этого периода. Драматизм стал неотъемлемой чертой всей литературной эпохи второй половины столетия, художественно запечатлевшей своё время как «великую драму», а иногда и трагедию национального бытия.

Подчеркнем: речь идет исключительно о драматизме, художественно воспроизводимом писателями, драматизме как черте времени, обусловленном преобразованиями глобального исторического плана, но никак не о потере мировоззренческих гуманистических ориентиров. Напротив, кризисность бытия способствовала пробуждению авторского самосознания и во многом содействовала развитию и расцвету литературы как формы смысложизненных исканий. В лучших произведениях писателям второй половины века удалось, отразив тупиковые моменты онтологического плана, внедрить в общественное сознание мысль о необходимости приобщения человека к универсальному одухотворенному началу. В этом плане духовный опыт и художественные открытия русской литературы внесли неоценимый вклад в отечественную и мировую цивилизацию.

Творческие достижения социального характера, достигнутые русскими классиками, тускнеют перед глубиной познания ими духовного русского мира. Более того, психолого-антропологический аспект художественных новаций был, конечно, одним из основных, но дале-

ко не единственным. Уникальность литературы как образно-художественной формы освоения действительности заключена в том, что она способна охватить жизнь целиком, включая бытие личности в широчайший контекст национального домостроительства.

В современной науке о литературе до сих пор отсутствуют работы, которые рассматривали бы феномен художественного осмысления писателями второй половины XIX в. процессов духовной сферы национальной жизни в органической совокупности и цельности входящих в это понятие смысловых компонентов в том виде, в котором эта единая и цельная картина духовного мира русского общества предстаёт перед читателем на страницах произведений классиков отечественной литературы.

Актуальность исследования путей и форм духовной самоидентификации посредством художественного слова обусловлена возросшим в последние десятилетия интересом гуманитариев к проблемам ценностного содержания сознания, которое не только определяется феноменом духовности как в личностном, так и в историческом и социокультурном аспектах, но и определяет этот феномен.

Литературоведение советского периода, рассматривая творения П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова, В. Г. Короленко и Г. И. Успенского, делало акцент на изображении писателями социально-классовых противоречий российской жизни, что в значительной степени нивелировало художественное своеобразие их творчества, а иногда сводило на нет нравственно-философский аспект произведений. В итоге целая группа писателей, в которую входили некоторые из вышеперечисленных, рассматривалась как художники «второго» ряда. Подобная недооценка как следствие ущербных идеологических и методологических установок не допустима по отношению к тем, кто составляет «золотой» фонд отечественной классики.

Разумеется, сама природа изящной словесности как формы человековедения требовала обращения к проблемам духовного бытия индивидуума. И в этом отношении российское литературоведение располагает собственным «золотым» фондом исследований, посвященных широкому спектру вопросов художественной антропологии, в том числе и феномену духовности. В последнее время получил широкое распространение термин «духовный реализм», в основе которого лежит общий посыл христианства рассматривать духовность как стремление личности к нравственному совершенству и стяжению благодати (А. М. Буланов, М. М. Дунаев, А. А. Дырдин, И. А. Есаулов, Л. В. Жаравина, В. Н. Захаров, В. Т. Захарова, В. А. Котельников, А. М. Любомудров, Т. Г. Мальчукова, С. Г. Семенова и др.).

Однако (мы особо выделяем этот момент) русская литература изучаемого периода не ограничивалась художественным исследованием феноменальности отдельной личности и восходила от духовного микромира к макромиру — познанию духовных основ национальной жизни в целом.

Осмысление внутреннего (духовного) мира человека и духовной сферы национального бытия — это, безусловно, два разных уровня художественного познания действительности. Но именно крупномасштабный бытийный охват изображаемого позволил отечественным литераторам второй половины XIX в. запечатлеть во всей полноте и цельности неповторимый характер своей эпохи, постигнуть глубинную сущность жизненных процессов и утвердиться (благодаря амплитуде *человек — нация*) в своем провидческом значении.

Диссертация соотносится с наиболее сложными и спорными теоретическими и историко-литературными проблемами современного литературоведения. Она вписывается в усиливающийся в последнее время научный интерес к осмыслению «механизмов» динамики литературного процесса, мифопоэтических, религиозно-нравственных, философско-этических основ художественного творчества.

Объект нашего исследования — русская художественная проза второй половины XIX в.

Предмет составляет художественное изображение национальной жизни в творчестве П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова, В. Г. Короленко и Г. И. Успенского в контексте развития по пути расширения и углубления духовного самосознания отечественной словесности.

Материалом послужили «вершинные» произведения большой эпической формы вышеуказанных авторов: «В лесах» и «На горах» П. И. Мельникова-Печерского, «Соборяне» Н. С. Лескова, «В пустынных местах» В. Г. Короленко, «Очерки переходного времени» Г. И. Успенского. Их объединяет стремление постичь и воспроизвести национальную жизнь России в духовном целелогагии, в перспективе дальнейшего развития.

Цель диссертационной работы — выявить художественное своеобразие русской литературы второй половины XIX в. в аспекте поисков духовной самоидентификации на материале национальной жизни.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

— обозначить теоретико-методологические ориентиры изучения отечественной словесности в аспекте ее духовной самоидентификации на индивидуально-личностном и общенациональном уровнях;

— охарактеризовать специфику художественного изображения национальной жизни второй половины XIX в. в аксиологической парадигме, сформированной в русле общей тенденции духовной самоорганизации литературы;

— раскрыть мировоззренческие и эстетические параметры художественной модели русского мира, представленной образцами большой эпической формы, в аспекте теоретических и исторических проблем жанрообразования;

— конкретизировать вклад П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова, В. Г. Короленко и Г. И. Успенского в художественную интерпретацию феноменов духовности и духовной самоидентификации национального бытия на основе акцентуации творческой индивидуальности вышеназванных авторов.

Цель и задачи предопределили акцент на синтез историко-типологического, историко-генетического и сравнительно-исторического методов изучения литературы с реализацией аксиологического подхода к произведениям словесного искусства.

Методологическая основа. В решении поставленных задач мы опирались на теоретико-концептуальные положения и результаты традиционного историко-литературного исследования творчества писателей второй половины XIX в. в работах М. М. Бахтина, А. М. Буланова, Г. А. Бялого, И. А. Есаулова, В. Н. Захарова, В. В. Кожина, В. А. Кошелева, Д. С. Лихачёва, Л. М. Лотман, А. Ф. Некрыловой, Н. И. Пруцкова, Н. Н. Старыгиной, И. В. Столярской, В. Ю. Троицкой, С. С. Фолимонова, Н. М. Фортунатова, В. Е. Хализева и др.

Научная новизна работы обусловлена последовательным включением в сферу литературоведческого анализа понятия «самоинтенция литературы», конкретизацией и углублением представлений о «духовной самоидентификации», «национальном бытии» на основе изучения конкретного художественного материала, а также установлением генетических связей и типологических сходжений между духовными исканиями писателей второй половины XIX в. — П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова, В. Г. Короленко и Г. И. Успенского. Результаты исследования направлены на создание максимально объективной и полной картины историко-литературного процесса изучаемого периода с актуализацией философско-этических основ художественной рефлексии.

Теоретическая значимость диссертации вытекает из общего подхода к художественному творчеству в свете теории ценностей, онто-

логии духовности и проблемы национального своеобразия искусства, имеющих непосредственный выход в области исторической поэтики и этнопоэтики.

Практическая значимость работы заключается в том, что её материал и результаты могут быть использованы в вузовских и школьных курсах истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах по истории литературы второй половины XIX в., а также в научных исследованиях, посвященных проблемам духовной самоидентификации отечественной словесности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Проблема духовной самоидентификации в отечественной словесности не ограничивается художественным исследованием феноменологии отдельной личности и восходит от духовного микромира к макромиру, т. е. осмыслению духовных основ национальной жизни в целом. Если феномен ценностной парадигмы индивидуума предполагает акцент на уникальности личностно-психологических качеств в социально-историческом контексте, то художественное исследование духовного самосознания нации, как показывает творчество анализируемых авторов, строится на акцентировании иных прерогатив — на выявлении феномена ценностной идентичности в процессе расширения и углубления культурно-этнического многообразия мира. Подобный дискурс включает человека в состав национального сообщества и исследует в аспекте общности духовных приоритетов с другими представителями этноса. Постигание духовной самоидентификации в истории отечественной литературы на разных уровнях художественно воспроизводимой писателями действительности релевантно и продуктивно для воссоздания многомерной картины ценностного самосознания определенной культурно-исторической эпохи.

2. Отечественный литературный процесс второй половины XIX в. характеризуется активизацией интереса к феномену духовной самоидентификации в общем контексте воссоздания крупномасштабной картины национальной жизни. В связи с этим обостряется внимание писателей не только к вопросам индивидуально-личностного плана, но и к проблемам духовности социума. Конфликтообразующим началом выступает столкновение ценностных ориентаций старого (до-реформенного) социального уклада с новыми (пореформенными), ещё только зарождающимися. Стремление всесторонне представить быт и бытие русского человека (в том числе религиозно-конфессиональную сторону) определило тяготение к большой эпической форме, да-

ющей максимальную возможность адекватного воспроизведения духовного космоса.

3. Произведения П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова, В. Г. Короленко, Г. И. Успенского объединяет общее восприятие своего времени как кризисно-переходного, убежденность в неизбежности духовной катастрофы. Реализованные авторами образно-художественные решения в воссоздании состояния пограничности становятся важным шагом вперед в осмыслении проблемы национальной самоидентификации. Можно говорить о формировании в этот период этнопоэтики как специфической области художественного постижения национального своеобразия русской духовной культуры в конкретных художественных параметрах.

4. Диалогия П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» художественно запечатлела разрушение основ старообрядчества как духовно-нравственного сообщества, живущего идеалами допетровской Руси. Трагические ситуации в судьбах своих персонажей писатель неразрывно связывает с умиранием старообрядческого мира и общим состоянием переходности национальной жизни. Интерес Мельникова к художественному воспроизведению этнического идентитета, начавший формироваться еще в ранний период творчества (рассказы и повести «Красильниковы», «Поярков», «Гриша» и др.), обрел наиболее полное и адекватное выражение в творчестве 1870—1880-х гг. Ярко выраженные поиски писателем-беллетристом духовных приоритетов и национальный охват художественно моделированной российской действительности предопределили поэтику и жанровую специфику романа-диалогии.

5. В центре изображения хроники Н. С. Лескова «Соборяне» находится «великая драма» провинциальной старгородской жизни, представленная в общенациональных масштабах. Стремление Лескова хроникально воспроизвести «дух своего времени», показать органическую связь феномена кризисности с новейшими позитивистскими установками определили жанровые симпатии автора. Главный конфликт эпохи реализован в произведении как противостояние традиций национальной духовности и чуждых веяний западной культуры, разрушающих цельность русского духовного космоса и порождающих лишенную высоких устремлений повседневность.

6. Изображение человека и общества в ситуации противостояния прошлого и будущего присутствует во всех беллетристических сочинениях В. Г. Короленко 1880—1890-х гг. и является идейно-художест-

венной доминантой творчества нижегородского периода. Художественный мир беллетристических произведений писателя в полной мере отразил как феномен авторской индивидуальности, так и особенности его эстетической позиции. Обращаясь к художественному воссозданию простонародной среды («За иконой», «На Волге», «В пустынных местах», «Река играет»), Короленко отождествил национальную жизнь с народной, выявив общерусские корни глобального духовного кризиса. Это обусловило глубину эτικο-философского подтекста его прозы.

7. Изображенная в предсмертном цикле Г. И. Успенского «Очерки переходного времени» российская действительность исполнена трагизма и обречённости. Объединенные в цикл произведения 1860—1890-х гг. художественно воспроизводят духовную деградацию национальной жизни, историю «смертельной душевной болезненности» российского общества, порожденной глобальными преобразованиями социально-экономического плана. Писатель исследует духовный пласт бытия на разных уровнях его проявления: от микрокосма отдельной личности до макрокосма нации и мировой цивилизации в контексте эτικο-философской проблемы противостояния Запада и Востока.

Апробация результатов исследования. Концепция, основные идеи и результаты диссертационного исследования обсуждались на международном симпозиуме (Волгоград, 2007), международных научных конференциях (Москва, 1996; Волгоград, 2003, 2005, 2007; Нижний Новгород, 2004, 2005, 2007; Орёл, 2006; Санкт-Петербург, 2007; Коломна, 2007), на всероссийских, межрегиональных и межвузовских конференциях (Глазов, 1996; Арзамас, 1996 — 2007; Нижний Новгород, 2006; Крапивна, 2006; Москва, 2006, 2007).

Материал и основные идеи исследования использованы в вузовском курсе истории русской литературы, в спецкурсах «Русская литература второй половины XIX в. и Нижегородский край» и «Диалогия “В лесах” и “На горах” в контексте творчества П. И. Мельникова-Печерского», читаемых автором диссертации в ГОУ ВПО «Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара».

Результаты исследования изложены в двух монографиях, двух учебных пособиях и статьях (общий объем публикаций — 56,5 п. л.).

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы (442 наименования). Объём текста — 350 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность и научная новизна исследования, определяются его объект и предмет, формулируются цель и задачи, характеризуются теоретическая и практическая значимость результатов работы.

В первой главе «Бытие и быт “Великорусов” в творчестве П. И. Мельникова-Печерского» рассматриваются мировоззренческие и эстетические параметры художественной модели русского мира в контексте духовной самоидентификации писателя.

Уже в раннем беллетристическом творчестве П. И. Мельников-Печерский обращается к изображению национальной жизни. Произведения начинающего писателя, внешне изобилующие фольклорно-этнографическим материалом, имманентно ориентированы на постижение всей национальной жизни. Ранние произведения писателя — это его первый шаг на пути к созданию произведения крупномасштабного бытийного охвата — романа-дилогии «В лесах» и «На горах», всесторонне воспроизводящего национальную жизнь «Великорусов».

Создавая «В лесах» и «На горах» в сложный период, когда после реформы 1861 г. Россия вступила на новый путь духовного и социально-экономического развития, Мельников-Печерский смог объединить в одном произведении и сопоставить «быт Великорусов» (уклад жизни и ее культурную основу: национальную и европейскую) при разных условиях экономического и общественного строя.

Богатейший фольклорно-этнографический материал, содержащийся в романе-дилогии «В лесах» и «На горах», заслонил от литературоведов этико-философскую сторону произведения, уяснение которой могло бы стать основой, позволяющей уточнить место Мельникова-Печерского в общелитературном (культурном) контексте эпохи, и весомым концептуальным доказательством специфики жанровой природы его литературного труда. Сегодня, как и сто лет назад, не утратила своего актуального значения мысль А. Измайлова о том, что по отношению к творчеству Мельникова-Печерского литературная критика «была какою угодно — исторической, гражданской, эстетической, но не философской», так как «большинство критиков не рассмотрело ничего дальше внешних форм и внешних фактов»⁷ мельниковского произведения.

⁷ Измайлов, А. А. П. И. Мельников / А. А. Измайлов // Мельников П. И. Полн. собр. соч.: в 7 т. Т. I. — 2-е изд. — Спб., 1909. — С. 6.

В дилогии Мельников-Печерский проявил все особенности своего литературного таланта, раскрыл перед читателем философию «тёмной» русской души «в её религиозном самоопределении» (А. Измайлов). В центре этико-философского осмысления писателя, вне всякого сомнения, находится не столько старообрядчество («В лесах») и сектантство («На горах»), сколько внутренний, духовный мир человека. В этом П. И. Мельников-Печерский не выходит за рамки общego литературного процесса XIX в., так как вся русская классическая литература, начиная с А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова и заканчивая Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым, объектом художественного исследования рассматривает человека во всех аспектах его соприкосновения с бытием, раскрывая перед читателем разные грани человеческого сознания, подсознания и души.

Однако Мельников-Печерский сумел выбрать такую область исследования в общей литературно-философской проблеме человековедения, которая осталась нетронутой, обойденной русской литературой. Она распространяется на ту сферу жизни человека, где личное (человеческое счастье и человеческая природа) вступает в противоречие с религиозным долгом, домостроевским законом, обычаем. Этот по своему характеру трагичный духовно-религиозный конфликт по мере развития сюжета затягивает, как в «адскую воронку», всех основных персонажей произведения, калеча и убивая живые души героев. Трагизм душевных противоречий своих героев-старообрядцев писатель обуславливает противоречивым характером национальной жизни. На страницах романа-дилогии перед читателем возникают два художественных мира: мир «лесов» (роман «В лесах») и мир «гор» (роман «На горах»). Каждый из этих художественных моделей существования детально, во всей полноте обрисован писателем, и каждый в отдельности целен, по-своему красив и имеет свою особую притягательную силу.

Мир «лесов» (или мир скитов) — это мир прошлого, мир патриархальной «дониконовской Руси», регламентированный скитскими уставами и «Домостроем». Религиозный долг, строгое соблюдение обряда в статичном мире «лесов» становится тем идеалом, ради достижения которого человеку необходимо отречься от личного, принести в жертву любовь, семейное счастье, чувства. Мир «лесов» калечит живые души героев, делает из людей «мертвые и унылые машины долга» (А. Измайлов). Тем не менее многие страницы романа «В лесах» наполнены незавуалированным авторским любованием героями, их жизнью и бытом. Объяснение этому факту следует искать не в скрытых симпатиях Мельникова-Печерского к старообрядчеству, а в

присущей писателю симпатии к старине, к прошлому и в некотором преклонении перед способностью человека к трагическому самопожертвованию во имя религиозного долга, традиций и обряда.

Другой мир — мир «гор» — это мир настоящего, где жизнь динамична, где есть прогресс — предвестник будущего. Этот мир имеет сложную структуру, и человек в нем свободен в своем духовно-нравственном выборе. Отношения между героями, царящие «на горах», далеки от идеала: здесь соседствуют добро и зло, правда и ложь, вера и ересь. Однако человек этого мира стремится к счастью, которое не представляется для него вне любви, семьи и веры.

Оба мира, художественно воспроизводимых писателем, несовершенны и имеют свою притягательность для бытия человека. Но особенность построения системы образов мельниковского произведения такова, что основные персонажи диалогии в моделируемой писателем действительности оказываются как бы на пересечении этих двух взаимоисключающих, а следовательно, антагонистических миров. Законы мира «лесов» требуют от героя жертвы во имя религиозного долга, а законы «гор» — во имя личного счастья, семьи, любви. Персонажи оказываются душевно «раздираемы» этими мирами: они, как огромные жернова, калечат и убивают от природы живые души героев. При этом специфика их трагического микрокосмоса проявляется в том, как точно отметил один из первых критиков писателя, что происходит «убиение души верою» в Бога (А. Измайлов). Судьбы Манефы и Фленушки в произведении являются самыми яркими тому примерами. В таком ракурсе никто из русских писателей до Мельникова-Печерского ещё не исследовал душу человека.

Диалогия «В лесах» и «На горах» художественно запечатлела разрушение духовного бытия старообрядчества: веры и уклада национальной жизни допетровской Руси. Кризис духовной жизни своих героев, принадлежащих к религиозному сообществу старообрядцев, писатель осмысливает не на сюжетно-бытовом, а на этико-философском уровне: как результат противоречия всего общерусского мироустройства, вызванного столкновением старых форм национального бытия, свято хранимых скитскими жителями, с противоречащими им новыми формами жизни пореформенной российской действительности.

Несмотря на весь трагизм, в котором оказываются герои диалогии, автор сумел в конце второго романа показать читателю тихое, земное человеческое счастье, какое в результате долгих духовных поисков, мучений и страданий все же обретают герои (Герасим Чубалов, Патап Максимыч Чапурин, семья Меркуловых и Самоквасовых

и др.). Они сумели преодолеть «противоречие миров» (противоречие русского макрокосма), уйти из-под духовного влияния мира «лесов» и обрести в своей жизни подлинное счастье, в котором органично соединились и любовь, и семья, и вера в Бога (как глубоко личное, так и религиозный долг верующего человека). «Бог есть любовь» — эти слова, сказанные одним из героев романа-дилогии, предельно лаконично отражают основную этико-философскую идею произведения писателя. Единство и тождественность понятий «Бог» и «Любовь» разрешает духовное противоречие в человеке между личным (природой и чувствами человека = эмоциональной константой микрокосма человека) и религиозным долгом (рациональным, «головным» в человеке) и становится основой человеческого счастья, обретение которого для человека не мыслится писателем вне этих категорий.

В контексте этико-духовной направленности русской словесности П. И. Мельников-Печерский внёс свой особый вклад в художественное постижение сокровенных тайников религиозно-духовного бытия русского человека и национального макрокосмоса. Стремление писателя целиком воспроизвести быт великорусов вылилось в соединение двух композиционно самостоятельных произведений в единую жанровую форму романа-дилогии.

Во второй главе диссертации «“Великая драма” русской жизни в хронике Н. С. Лескова “Соборяне”» рассматривается специфика художественного воспроизведения писателем феномена общерусской жизни и осмысление им духовно-ценностных приоритетов национального бытия.

Обращение Н. С. Лескова к жанру хроники, в которой организующей силой сюжета предстает сам ход времени, позволило писателю создать масштабную картину русской жизни и показать, насколько судьбы его героев тесным образом связаны с ходом времени, развитием национального и общественного самосознания, с национальной жизнью во всей её полноте и многогранности.

На страницах своего произведения Лесков не столько рисует нам индивидуальные образы своих героев, сколько выделяет типы русского национального характера. Старогородское духовенство представляет собой ядро (саму сущность) национального духовного начала русской жизни. Соборяне Савелий, Захарий и Ахилла — это, с одной стороны, духовное целое, которое необходимо воспринимать именно как целое. С другой стороны — это разные грани, типы этого целого. Соборная поповка символизирует русский национальный характер, сведенный Н. С. Лесковым по доминирующему началу ка-

рактера одного из трех героев к следующим трём основным типам: Савелий — мудрость, Захарий — смирение и кротость и Ахилла — сила. Писателя интересует прежде всего бытие русского характера в контексте национальной истории и современной действительности. Поэтому хроника «Соборяне» — это попытка осмыслить характер в его единстве и слитности (цельности) со всей национальной жизнью. Соборная поповка — это цельный мир русской жизни и, в первую очередь, жизни духовной.

Жанр хроники подразумевает изложение исторических событий в их временной последовательности. Поэтому *«великая старгородская драма, составляющая предмет хроники»*, должна быть соотнесена с важными историческими или духовными процессами всей русской национальной жизни. В авторском эпитете «великая» по отношению к старгородской драме нет иронии. Жанр предполагает изображение не личностной драмы героя, а драмы исторической, масштабной, затрагивающей основы бытия её участников, основы всей жизни. В «Соборьянах» Н. С. Лесков сосредоточивается на драме русского национального характера, русской души в условиях меняющейся национальной жизни, грозящей разрушением всех основ русской духовности, всего духовного русского космоса. Драма, лежащая в основе лесковской хроники, не связана с великими историческими событиями России, в центре внимания художника иной аспект — не менее значимая драма духовной национальной жизни, представленная на примере провинциального быта старгородского духовенства.

Статика авторских описаний в первых главах «Соборян» с подлинно эпической высоты воспроизводит не подвластную ходу времени счастливую жизнь героев хроники. На первых страницах своего произведения писатель не столько знакомит с ними читателя, сколько художественно воспроизводит национальную жизнь, используя жанровые возможности и специфику хроники. Центральные герои хроники органично дополняют один другого в обрисовке Лесковым целостного русского духовного мира.

Началу драматического сюжетного действия композиционно предшествует поэтическая картина «тихого» семейного счастья (сцена вечерней трапезы протопопа Туберозова), которая призвана помочь читателю представить картину русской жизни в её цельности и всеохватывающей полноте, показать жизнь в неразрывном единстве материального и духовного начал.

Важную идейно-композиционную и жанрообразующую роль в «Соборьянах» выполняет «Демикотоновая книга протопопа Туберозова». В контексте хроники записи протопопа Туберозова приобре-

тают совсем иной, не дневниковый характер: внешне обращенные преимущественно к событиям личной жизни записи протопопа «внутренне», на подтекстно-смысловом уровне, «хронологически» фиксируют историю духовной жизни русского общества и развития общественного сознания. Обратим внимание, что формально «демикотоновая книга» состоит из Евгениевского «Календаря» и собственных записей протопопа, сделанных им на «прокладных страницах». Календарь — это в первую очередь фиксация хода времени, а записи на «прокладных страницах» — события жизни героя, «вставленные» (включённые) в контекст этого хода времени и поэтому приобретающие хроникальный характер. «Демикотоновая книга протопопа Туберозова» — это хроника духовной жизни русского общества и общественного сознания России 30-х — середины 60-х гг. XIX в., данная писателем сквозь призму индивидуального сознания своего героя; это хроника русской жизни в целом.

Записи протопопа Туберозова значительно расширяют хронологическое пространство произведения Н. С. Лескова. Композиционно предшествующие развитию «великой старгородской драмы», они обращают внимание читателя на характер русской жизни в недалеком прошлом (предыстория драмы) и замыкаются на драматическом настоящем (собственно драма). Книга Туберозова — это своеобразная нить, связующая прошлое и настоящее русской жизни в единое целое. В записях протопопа, состоящих из множества самых разных жизненных событий, личностно-психологических переживаний и раздумий, прослеживается то, что придает им целостность, делает единым для читательского восприятия. С одной стороны, записи объединены духовно-личностным осмыслением героя русской жизни и открывают читателю богатый мир души протопопа, с другой — ходом времени и драматическим развитием национальной жизни.

Важной особенностью «Демикотоновой книги протопопа Туберозова» является её, на первый взгляд, незаметное, особое композиционное строение: тема, поднятая в «книге», раскрывается с помощью целого ряда описаний, жизненных примеров, мелких историй и происшествий и т. д. и завершается в тот или иной момент особой записью, содержащей обобщения и оценку данной темы. Осмысленная в широком историко-временном контексте та или иная тема выливается в итоге в эпическое обобщение, отражающее историческое национальное сознание героя-праведника. Протопопа Туберозова отличает особое мировидение и мировосприятие. Он наделен способностями видеть жизнь не в отдельных эпизодах, моментах, случаях, а охватывает своим взглядом всю «живую» сущность национального

бытия и чувствует жизнь во всей ее цельности и красоте. Способность узреть прекрасное в окружающей героя жизни, увидеть красоту мира — признак поэтической природы протопопа, которая в соединении со способностью героя к эпическому мышлению выливается на страницах произведения в образ неисчерпаемо богатого содержания.

Проблема старообрядчества в «Соборях» Лескова неотделима от общей проблемы национальной жизни. Историческая трагедия русского народа — церковный раскол — это первый шаг, сделанный русским обществом в сторону развернувшейся на страницах произведения «великой драмы» — безверия и утраты духовности всей русской жизни. Вторым губительным шагом нации к бездуховности, по Лескову, стала ценностная ориентация на идеалы западной цивилизации, поглощающей своеобычность, целостность и духовность русской жизни.

В художественном полотне Лескова мир Старгорода воплощает в рамках одного города мироустройство всей России. Поэтому «великая старогородская драма» в хронике художественно проецируется на всю русскую жизнь. Безверие и, как следствие, бездуховность, разрушающие религиозно-этические основы национальной жизни, — таков исторический путь, смысл и подлинный масштаб «великой» общерусской драмы, изображенной писателем в «Соборях».

«Великая драма» в хронике Н. С. Лескова заключена в самом ходе времени, который мотивирует драматические судьбы героев и их действия. Поэтому течение времени, художественно воплощенное писателем в историческом процессе национальной жизни, становится определяющим фактором при рассмотрении характерологии «Соборян».

Характеры центральных персонажей «Соборян» Н. С. Лесков проверяет ходом времени. Само течение времени, ход национальной жизни раскрывают перед читателем разные стороны характеров героев. Повествуя ту или иную историю жизни своих героев, писатель не заботится о строгой сюжетной последовательности. Для Лескова было важно во всех этих порой забавных, порой драматических и даже трагических историях показать характер своего героя с разных сторон, раскрыть перед читателем проявление своеобычности того или иного типа национального характера в разных жизненных ситуациях национального бытия. Писатель как бы «поворачивает» перед читателем своего героя, заставляя внимательно всматриваться в него и открывать все новые и новые стороны богатства его духовного содержания.

Тема феномена русского национального характера у Н. С. Лескова неразрывна с темой русской души. Для Лескова характер героя —

это «бытийное» проявление его души, в феномене национального характера сокрыт космос русской души. Поэтому характерология героев в контексте хроники приобретает развитие от ярких, индивидуальных типов русского характера до космоса русской души вообще.

В образах лесковских праведников нашло отражение миропонимание писателя, его вера в духовные силы русского человека как единственного средства к преодолению зла мира. Н. С. Лесков видел в русском обществе много уродливых явлений: безверие, нигилизм, казенщину в делах веры, безнравственность и т. д., но писатель смог разглядеть и те светлые самородные явления русской жизни, которые свидетельствуют о могучем духе народа. В современном писателю обществе эти светлые силы души русского народа постепенно забираются внутрь и глхнут под натиском царящего в социальных отношениях зла, но, несмотря на это, служат залогом великой и прекрасной будущей России. Этой оптимистичной авторской уверенностью пронизана хроника «Соборяне». На смертном одре во всепрощающей просительной молитве герой «Соборян» протопоп Савелий Туберозов обращается к Богу со словами, вобравшими в себя основное идейное содержание произведения: *«По суду любящих имя Твое просвети невежд...»*. В миропонимании Лескова зло, царящее в русском обществе, это результат всеобщего и всепроникающего невежества. Со времен раскола Русской Православной Церкви и просветительских преобразований Петра I духовная и светская жизнь России мало в чём изменилась. Лесков был убежден в необходимости для русского народа просвещения. Только оно, по мнению писателя, способно избавить русское общество от «беды» невежества и освободить светлые духовные силы народа, которые, получив эту свободу, со временем разовьются и принесут плоды истинной высокой духовности.

В хронике Лесков четко проводит грань между «истинным» просвещением и «ложным», губительным. Истинное просвещение должно основываться на общечеловеческих ценностях и учитывать особенности национальной культуры и традиций, только тогда оно принесет свои достойные плоды — высокую духовность нации.

В «Соборянах» «великая драма» состоит в разрушении духовного феномена национальной жизни. Вместе с традиционными духовными ценностями русского бытия уходят в «небытие» и герои-праведники лесковской хроники; происходит «убиение» русской духовности безверием и нигилизмом: вершится грандиозное «историческое» событие — разрушается и гибнет русский духовный космос.

Н. С. Лескову удалось запечатлеть в своём вершинном произведении «живую» и крупномасштабную картину русского мироустрой-

ства. Глубокое и цельное художественное познание закономерностей современной национальной жизни потребовало от писателя обращения к национальной истории. В «Соборьях» широкий временной контекст изображаемого создается включением в композиционную структуру «Демикотоновой книги протопопы Туберозова», которая раздвигает хронологические рамки произведения Лескова почти на 34 года: первая запись датирована 4 февраля 1831 г., а последняя — 4 июня 1865-го.

В третьей главе «Противоречие “прошлого” и “будущего” в творчестве В. Г. Короленко» анализируется специфика эτικο-художественного сознания писателя нижегородского периода творческой деятельности.

Воспринимая современность как сложнейшую систему, включающую «сплетение» отжившего с действительным и только нарождающимся, В. Г. Короленко художественно воспроизводит «настоящее» как вечную борьбу, драматический конфликт, который пронизывает всю окружающую современную действительность, включая духовный пласт как всего общества, так и отдельного героя-индивидуума.

Жизнь осознается Короленко как вечно изменчивая форма, как движение и борьба «прошлого» и «будущего». Исходя из этого мировоззренческого принципа, писатель стремился в своем творчестве к такому отражению современности, в котором читатель смог бы увидеть черты как прошлого, так и будущего.

Современная действительность (настоящее) — это «фикция», своего рода иллюзия, состоящая из «смеси» жизненных форм и устоев прошлого и будущего. Поэтому жизнь как предмет художественного изображения, по Короленко, всегда должна содержать «частицу» великой драмы — противостояния прошлого и будущего. Изображение современного бытия как драмы, вечной борьбы и противостояния прошлого и будущего присутствует во всех беллетристических сочинениях писателя нижегородского периода и отражает особенности художественного сознания В. Г. Короленко 1885—1896 гг.

Драматическое столкновение «разновременных эпох» не несет в произведениях В. Г. Короленко характерных черт пессимизма и трагизма. Наоборот, творчество писателя проникнуто «выстрадавшим оптимизмом», основанным на «бодрости духа, ясном и здоровом мироощущении» (Д. С. Мережковский).

По литературе, считал В. Г. Короленко, можно судить о состоянии общества. Данное суждение писателя ярко характеризует его мировоззренческо-эстетическую позицию. Литература творчески созидает жизнь общества. Поэтому общественное значение писателя и

литературы огромно: оно основополагающе и жизнеутверждающе. Закономерно, что Короленко в своем творчестве не только отразил противоречивость современной ему жизни, но и всячески стремился литературным трудом преобразить российскую действительность, направить ход развития жизни к новым, позитивным формам. В этом заключается активность жизненной и литературной позиции писателя.

Вопросы народного миросозерцания и духовности выходят в творчестве В. Г. Короленко 1880-х гг. на первый план. Нравственная деградация русского общества этого времени обращает внимание писателя на художественное познание народной жизни, в которой он стремится разглядеть ростки будущего духовного обновления нации. Пока же, по его мнению, духовная жизнь народа находится в переходном состоянии от старых умирающих форм к новым, только еще зарождающимся.

В рассказе «За иконой» (1887) у Короленко преобладает стремление к художественному воссозданию духовной среды простонародья. Писателя не интересуют отдельные судьбы «идущих за иконой» людей, ещё дальше он от того, чтобы изображать эволюцию и противоречия духовного мира своих народных героев. В центре внимания Короленко общие «духовные порывы» идущих вместе людей. Он сосредоточен на «огромной массе однородного душевного движения», на общей духовной устремленности народа. Противоречивость российской действительности поставила перед писателем вопрос о поиске источника, исцеляющего духовные силы народа, — основе духовности нации. В рассказе «За иконой» Короленко находит этот «исцеляющий источник» в духовном единении народа в вере.

Противоречивость современной жизни народа заключена в ее «переходном» состоянии от дисгармоничных старых к новым гармоничным формам жизни. В основе любых изменений социально-общественного характера должно лежать, по мнению писателя, совершенствование духовного мироустройства всего общества, в том числе и его самой многочисленной части — народа. Поэтому закономерно, что именно в народной духовности В. Г. Короленко ищет те её черты, которые со временем преобразят всю русскую жизнь, весь русский мир.

Очерк «На Волге» (1889) посвящен проблеме состояния духовно-конфессиональной жизни русской нации. Все произведение построено на контрасте, столкновении и борьбе прошлого и будущего, только что зарождающихся новых форм жизни с отживающими. Конфликтующий контраст духовных устремлений героев произведе-

дения отражает противоречие современного состояния жизни, всего русского бытия. Разность стремлений двух поколений — отцов и детей — в очерке несёт на себе следы проявления извечного закона бытия: конфликта прошлого и будущего.

Одной из особенностей, характеризующих творчество В. Г. Короленко, является выбор типа героя очерков. Излюбленный тип писателя — это герой, устремленный к одному или другому «временному» полюсу бытия: к прошлому или будущему. Герой Короленко всегда являет собой сложный синтез элементов прошлого и будущего. Это органичное сплетение в цельном образе «разновременных» элементов (уходящих в прошлое и только зарождающихся), но пока еще сосуществующих вместе и самым причудливым образом заключенных в современном человеке. При этом положительные герои, как правило, духовно устремлены в будущее, туда, куда устремлено течение жизни.

Очерки «В пустынных местах» (1890) являются продолжением художественной разработки темы национальной жизни (начата еще в рассказе «За иконой» и очерке «На Волге») и содержат достаточно много размышлений героя-повествователя об увиденном во время путешествия, что позволяет говорить о некотором «тяготении» произведения писателя к жанру путевых записок. Однако данное тяготение не является основным жанрообразующим фактором «В пустынных местах», так как в центре произведения находится не отношение автора-повествователя к изображаемому, а само изображение «пустынных мест», в котором ярко выраженную организующую роль играет авторское «я». Само название произведения — «В пустынных местах» — указывает на предмет изображения, а не на личностное отношение к нему автора-повествователя. В произведении В. Г. Короленко художественно типизирует как «свое» описание, так и «свое», индивидуально-авторское к нему отношение. Поэтому, несмотря на некоторое периферийное тяготение произведения к близким жанровым образованиям, перед нами цикл путевых очерков, объединенных как формально, так и содержательно в единое художественное целое.

Ощущение современности как «некоторой фикции», в которой происходит «взаимодействие и борьба» прошлого и будущего, закономерно поставило перед писателем, остро чувствующим кризисность современной духовной жизни народа, вопрос о духовной жизни народа в прошлом. Тема старообрядчества в произведениях Короленко 1880—1890-х гг. рождается из стремления писателя к художественному познанию «осколков» духовности прошлого («умерших» и «умирающих») в современной действительности.

В очерках «В пустынных местах» Короленко впервые обращается к художественному осмыслению таких форм народной жизни, где, на первый взгляд, конфликтность прошлого и будущего сведена к минимуму или же отсутствует вовсе. В поисках идеала-опоры духовной жизни народа писатель обращается к исследованию жизни старообрядчества, среды, в которой национальные формы жизни прошлого подверглись наименьшим изменениям. Цикл «В пустынных местах» — это попытка Короленко взглянуть на противоречия современной жизни как бы «глазами» прошлого: с позиций духовного идеала допетровской Руси.

Короленко воспринимает жизнеустройство «пустынных мест» как архаичную, отжившую (умершую или умирающую) форму. Поэтому мотив смерти и умирания — основной мотив цикла очерков «В пустынных местах», который, возникнув на первых страницах, пронизывает все произведение и завершается мотивом прощания в последних строках. Заданный в первом очерке «Ветлуга» мотив смерти и умирания прошлого звучит «фоном» в каждом из восьми очерков произведения и реализуется в многочисленных образах: «выдыхающейся» тайне святого озера Светлояр («Светлояр»), затихающем «старом горе» семьи Дарьи Ивановны и Степана Федорыча по умершему сыну Мишаньке («Приемыш»), уходящей в прошлое гармонии отношений человека с природой («На сеже»), мрачной атмосфере старообрядческого кладбища («По Керженцу. — Городинка»), пашущем на месте бывшего Оленевского скита «черном мужике», отдельно стоящей могиле старца в Керженском единоверческом монастыре и иконе Казанской Богоматери, находившейся когда-то в разрушенном Шарпане («По Керженцу. — В Оленевском скиту и у “единоверцев”»), в разрушении уклада жизни и мировоззрения «лесных людей» («Ночная буря. — Лесные люди») и в гибнущем лесе («На кордоне. — Лесная пустыня. — Волга!»).

Сквозной мотив смерти и умирания в финале цикла путевых очерков «В пустынных местах» переходит в мотив прощания с уходящей навсегда прошлой жизнью, что закономерно вытекает из общего идейного содержания произведения и согласуется с национальными и христианскими традициями (похоронным обрядом) при окончании жизни человека (смерти).

В авторском размышлении о китежской легенде угадывается выражение не только писательского (индивидуально-личностного), но и общественного отношения к состоянию современной духовности народа. Страстное стремление Короленко и всего русского общества найти свой духовный идеал-опору (свой «град зыскуемый») и чув-

ство духовной потерянности и невозможности найти пути выхода из тупика художественно воспроизводят и передают ощущение духовного кризиса, свойственного самосознанию всей эпохи второй половины XIX в.

Начиная с «Приемыша» и «На Сеже», в очерках «В пустынных местах» на общем фоне смерти и умирания появляются оптимистические мотивы. Смерть никогда не связывается писателем с концом: для Короленко умирание старого всегда связывается с зарождением нового, которое вбирает в себя лучшее из «осколков» старого. Поэтому Короленко акцентирует внимание на тех элементах прошлого, которые, и в этом писатель не сомневался, органично перейдут в новое и составят основу будущего народного бытия.

Очерк «Приемыш» вносит в цикл новый мотив зарождающегося будущего, который далее неотступно будет идти рядом, параллельно основному мотиву умирания. В самом названии очерка содержится авторская идея преемственности прошлого и будущего. Оставаясь верным правде жизни, Короленко изображает окружающую жизнь в её диалектическом состоянии и развитии от форм прошлого к формам будущего.

Цикл путевых очерков «В пустынных местах», начинающийся с художественного воспроизведения и познания духовного бытия человека, к своему завершению по масштабу охвата изображаемого приобретает черты крупномасштабного эпического произведения о жизни русского народа. Созерцательно-философский взгляд автора не только сосредоточен на прошлом и настоящем жизни «пустынных мест», но и в меньшей степени обращен в будущее, что обусловило глубину этического-философского подтекста произведения. Тема духовной жизни русского народа рассматривается писателем на примере умирающих форм народного бытия прошлого.

В своём новом произведении, рассказе «Река играет» (1891), В. Г. Короленко обращается к раскрытию данной темы в более широком контексте: на примере современного народного бытия в его непосредственной синтетической связи не только с доживающими, но и с зарождающимися формами русской жизни. Такой бытийный охват во многом предопределил мотивы и композиционное строение рассказа. Тема смерти, умирания прошлого жизненного уклада народа, возникнув в первой главе рассказа, не получает дальнейшего развития: она была центральной в предыдущем произведении писателя — цикле путевых очерков «В пустынных местах». Но от этой темы Короленко как бы «отталкивается» в своих размышлениях о современной жизни, о «живых» проявлениях народной духовности и её новых

формах. Этим фактом во многом определяются преемственность и новизна тематики рассказа «Река играет».

Для В. Г. Короленко показателем жизненности духовных сил народа является «народная мысль». Это понятие в философско-этической системе координат писателя отражает уровень народного самосознания, способность нации к осмыслению необходимости совершенствования своего бытия. В рассказе Короленко художественно отобразил совершенно особое видение и понимание народом своей жизни, и именно в этой «народной» философии бытия писатель видит проявление «живой» народной мысли.

В рассказах и очерках В. Г. Короленко нижегородского периода тема духовной жизни народа нашла свое полное выражение. Раскрытие данной темы в творчестве писателя 80—90-х гг. XIX в. непосредственно связано с изображением бытия русского народа. Очерки и рассказы В. Г. Короленко «За иконой», «На Волге», «В пустынных местах» и «Река играет» не только запечатлели феномен национальной жизни, но и отразили этико-философские поиски писателем духовных основ русского бытия.

В четвертой главе диссертации «Трагизм “переходного времени” в очеркистике Г. И. Успенского» рассматриваются особенности трагического мировосприятия писателя последних творческих лет жизни и поиски им духовных приоритетов национальной жизни.

Произведения, включённые в цикл «Очерки переходного времени», датируются 1864—1890 гг. — периодом всей 27-летней литературной деятельности писателя. Во многом этот факт ставит цикл «Очерки переходного времени» в особенное положение, так как последний (предсмертный) по своей сути, он является итогом всей литературной деятельности писателя, попыткой целиком осмыслить свое художественное творчество и то историческое время, в которое ему пришлось жить и творить. В определенной степени «Очерки переходного времени» являются той финальной чертой, которую Г. И. Успенский, к моменту работы над циклом уже всё больше страдающий от надвигающейся нервно-психологической болезни, пыгается подвести под своим литературным творчеством. Поэтому с полным основанием «Очерки переходного времени» можно назвать духовным завещанием Успенского.

Начиная с 30-х гг. XX в. и по сегодняшний день мнение ученых-литературоведов об «Очерках переходного времени» как самом «неудачном» цикле сочинений Г. И. Успенского оставалось единодушным и неизменным (И. И. Векслер, А. В. Западов, Н. И. Пруцков и др.). Внешние жизненные обстоятельства и душевное состояние писа-

теля, безусловно, наложили свой отпечаток не только на характер редакторской правки и составление «Очерков переходного времени», но и на весь III том издания Ф. Павленкова 1891 г. Однако литературные «шероховатости» тома дадут исследователям уникальную возможность для анализа художественного сознания писателя 1889—1891 гг.

У Г. И. Успенского доминирующим фактором объединения произведений в очерковый цикл является их идейно-тематическая близость, на что указывал и сам писатель в предисловии к III тому собрания своих сочинений. Вместе с тем соединение произведений в циклы у писателя носит исключительно сложный и разнообразный характер, даже в пределах отдельно взятого цикла очерков. Мотивы, которыми руководствовался Г. И. Успенский при создании того или иного цикла, не всегда лежат на поверхности, особенно когда речь идет об «Очерках переходного времени».

Цикл «Очерки переходного времени» также объединяет общее психологическое настроение — ощущение мрачности переходного времени всей русской жизни, которое приобретает сильный драматический (а к финалу цикла трагический) оттенок вследствие авторского осознания, что национальная жизнь переходного времени стала «как бы обычным “образом жизни” русского человека». В этом суждении Г. И. Успенского о характере переходного времени угадывается ярко выраженный драматизм сознания писателя, вызванный стабильностью состояния неопределенности всей русской жизни на протяжении того времени, в котором довелось жить и творить Успенскому. Поэтому цикл «Очерки переходного времени» объединен также авторским восприятием истории страны переходного времени: мыслями и чувствами чуткого писателя, страдающего от неустройства русской «переходной» жизни и напряженно ищущего выход из драматического тупика, в котором оказалось всё русское общество второй половины XIX в.

Ощущение мрачности переходного времени непосредственно связывается писателем с «неопределенными условиями» жизни и колебаниями «мысли русского человека» вследствие новых идей времени. Проникающие и развивающиеся на русской почве новые идеологические течения, по мнению Г. И. Успенского, постепенно всё более и более «осложняют» всю русскую жизнь. Создавая «Очерки переходного времени», писатель преднамеренно выстраивает сочинения внутри цикла таким образом, чтобы показать читателю постепенное осложнение русской жизни переходного времени. Ощущение драматизма, которым проникнуто течение переходного времени, соответствен-

но осложнению жизни нарастает от очерка к очерку и в заключительной части приобретает характер подлинной трагедии национально-духовного бытия. Позитивно неразрешимый конфликт «старого» и «нового» времени нарастает и усиливается от одной части цикла к другой и, разрастаясь, приобретает характер трагического бытийного конфликта переходного времени 50—90-х гг. XIX в.

Неразрешимая противоречивость переходного времени русской жизни, «тупиковость» важнейших вопросов национального бытия характерны для творчества как раннего Успенского (60-е гг.), так и для Успенского последних лет литературного творчества (рубеж 80—90-х гг.). Во многом этот факт и позволил писателю объединить в отдельный цикл «Очерки переходного времени» произведения, разница во времени создания которых достигает почти трех десятилетий.

Для Г. И. Успенского человеческое равнодушие тождественно духовной смерти, оно основано на практицизме разума, а духовность — это сфера эмоционального, «сердечного начала» в человеке. Поэтому не случайно, что причину бездушия своего времени — поразившей всех бездуховности — писатель и его герои видят в «сердце». «Сердечное начало» в человеке, по Г. И. Успенскому, не позволяет ему быть равнодушным по отношению к другому человеку. «Сердце» определяет духовность человека и мотивирует его поступки. Без «сердца» — без чувства любви и сострадания к ближнему — приходит равнодушие, которое для писателя и его идеального героя тождественно смерти души и всего нравственного в человеке.

Источник зла и греха в человеке — его «звериный ум» (выражение Успенского, обозначающее ум без сердца, в противовес «здравому уму»). Человеку, наделенному «греховным звериным» умом, необходимо противостоять прямо и открыто — таково писательское нравственное кредо. Задачу русского православия Г. И. Успенский видит в том, чтобы искоренить все «звериное» («свинское», бездуховное) в человеке. У русского писателя, по Успенскому, та же задача: прямо и начистоту сказать заблуждающемуся человеку о его «зверином», заставить человека испугаться своего зла и греха. Нравственно исправить человека можно, лишь призвав «на помощь» его «сердечное начало»: сердце и чувства укажут человеку «путь» к новой духовной жизни «по совести».

Взгляды Г. И. Успенского на «оздоровление» отдельного человека неотделимы от взглядов писателя на духовное исцеление русского народа. Свои надежды на духовное оздоровление России писатель возлагает на просвещение, но просвещение особое, духовное. Для

Успенского «жить по совести» означает жить, руководствуясь «сердцем», сверять свои мысли и действия со своими высокими чувствами, жить такой жизнью, в которой бы отсутствовало внутреннее противоречие рационального доминирующему эмоциональному началу человека. Внутренняя духовная трагедия русского человека «переходного времени» видится Г. И. Успенскому как раз в том, что рациональное стало противоречить эмоциональному началу, доминировать над ним. Ум, победивший сердце, это зверь, победивший «человеческое» в человеке. Поэтому задача нового духовного просвещения России заключается, по Успенскому, в том, чтобы научить человека «жить по совести», жить сердцем.

Особую духовную миссию России в мире писатель видит в том, чтобы научить другие народы жить «сердцем», что в итоге объединит человечество (Запад и Восток) в общем нравственном тяготении к идеалу, к высшей духовности.

Всеобщая разобщенность, противоречивость и неопределенность, отмечаемые Г. И. Успенским в первых частях цикла на примере отдельно взятой им России (очерки «Отцы и дети», «Семейные несчастья», «Остановка в дороге», «Старый бурмистр» и др.), к финальным частям достигают общемировых, бытийных масштабов и проявляются в отношениях между нациями, странами, цивилизациями — противостоянием Запада и Востока (очерки «В Царь-Граде», «Непривычное положение», «Речные поездки»).

Судьба России в мире во многом оказывается трагичной из-за её «неопределенного» положения между Западом и Востоком: для писателя Россия — это страна, не относящаяся ни к Западу, ни к Востоку. Особое положение России, считает Успенский, определило и особое предназначение её в мировой истории. Однако современное состояние страны и в первую очередь состояние её духовности не позволяет ей оказывать сколь-либо существенного духовного влияния ни на Восток, ни тем более на Запад. Писатель обращает отдельное внимание читателя на тот факт, что прежде чем в мире «влиять» на других, необходимо духовное совершенствование самих себя. Без этого, считает Успенский, все попытки России «влиять» хотя бы на Восток обречены.

В великом столкновении двух цивилизаций Запад постепенно одерживает верх над Востоком, который гибнет, и это умирание «отсталой», «слабой» и «нездоровой» жизни мусульманского мира представляется писателю закономерным историческим явлением смены более старой восточной цивилизации молодой европейской. Неизбежная смерть мусульманского мира связывается Успенским с утратой жиз-

нестойкости старых идеалов Востока и отсутствием новых стремлений, новых идеалов. Неотвратимая победа Запада, несущего восточным народам «шаблонный европеизм», воспринимается Г. И. Успенским так же мрачно, как и духовное состояние современного ему «смердящего» мусульманского мира. Идеалы Запада, основанные на «власти капитала», несут народам Востока «шаблонность», обезличивание, равнодушие и в итоге духовную гибель и смерть. В «мрачном» и безвыходном положении Востока, в обреченности на неизбежную гибель всей духовности мировой цивилизации Успенский видит величайшую трагедию всего человечества.

Положение, которое занимает Россия в духовном противостоянии Востока и Запада, писатель характеризует как «неопределенное»: Россия хочет, но не может противостоять надвигающейся духовной смерти человечества. И в этой «неопределенности» заключена уже духовная трагедия самой России, оказавшейся в таком «странном» положении неясности своих мировых целей и задач. Объединение человечества возможно лишь вокруг духовного центра, в противном случае национальная культура обречена на обезличивание. Такого духовного центра, обладающего центростремительной силой для других наций, в настоящее время, считает Успенский, в мире нет. Россия духовно умирает, и вместе с ней в мировом хаосе и вражде цивилизации Запада и Востока гибнет всё человечество (очерк «В Царь-Граде»).

В финальной части цикла у читателя возникает ясное понимание обреченности не только на духовную смерть всей национальной жизни, но и на душевное расстройство, душевную болезнь героя-повествователя. Мысль о невозможности душевного оздоровления, о неотвратимости нервного расстройства, вызванного мраком русской действительности, появляется уже в самом начале «Речных поездок» и проходит через всю заключительную часть цикла. В составе цикла «Речные поездки» не вносят ничего нового в понимание происходящей «великой драмы» русской жизни, в уяснение характера и причин трагических противоречий бытия. Цель заключительной части цикла, которую преследовал писатель, состоит в раскрытии обреченности на душевное расстройство «человека с совестью», с сердцем, «омраченного» впечатлениями от «переходного времени» русской жизни. Таким человеком предстает в цикле «Очерки переходного времени» путешествующий герой-повествователь, вся жизнь и судьба которого так же трагичны, как и само время, в которое ему пришлось жить. В определенном смысле цикл «Очерки переходного времени» — это трагическая история душевной болезни «героя своего времени»

(«человека с совестью»); это духовная исповедь перед своим читателем писателя Г. И. Успенского, остро чувствующего в конце 80-х — начале 90-х гг. XIX в. неизбежность приближающейся нервной болезни; это попытка писателя заглянуть в глубинные причины «расстроенного» состояния своей души. «Очерки переходного времени» — это биография души Успенского, история её развития, расцвета и гибели, история переживаний писателем всех главнейших событий русской общественной жизни почти за целое столетие.

В заключении исследования подводится итог. Анализ конкретного художественного материала показал, что категория «духовная самоидентификация» является одной из ключевых для понимания литературного процесса второй половины XIX в. Произведения П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова, В. Г. Короленко и Г. И. Успенского весьма репрезентативны для уяснения проблемы поисков духовных основ национальной жизни в отечественном искусстве.

Литературная классика запечатлела на своих страницах широкую и целостную картину национального бытия исследуемого периода. Духовная сфера жизни нации, наряду с душевным миром человека, оказывается в центре пристального внимания авторов, стремящихся осмыслить не только социально-исторические, но и духовные закономерности национального развития.

Проблема духовной самоидентификации в отечественной словесности не ограничивается художественным исследованием феноменологии отдельной личности и восходит от духовного микромира к макромиру, т. е. осмыслению духовных основ национальной жизни в целом. Если феномен ценностной парадигмы индивидуума предполагает акцент на уникальности личностно-психологических качеств в социально-историческом контексте, то художественное исследование духовного самосознания нации, как показывает творчество анализируемых авторов, строится на акцентировании иных prerogativ — выявлении феномена ценностной идентичности в процессе расширения и углубления культурно-этнического многообразия мира. Подобный дискурс включает человека в состав национального сообщества и исследует в аспекте общности духовных приоритетов с другими представителями этноса. Постигание духовной самоидентификации в истории отечественной литературы на разных уровнях художественно воспроизводимой писателями действительности релевантно и продуктивно для воссоздания многомерной картины ценностного самосознания определенной культурно-исторической эпохи.

Стремление писателей на страницах своих произведений всесторонне представить быт и бытие русского человека (и в частности рели-

гиозно-конфессиональную сторону) определило тяготение литературы второй половины XIX в. к большой эпической форме (хронике, роману-диалогии, циклу), дающей максимальную возможность адекватного воспроизведения духовного русского мира.

В литературных творениях второй половины XIX в. обнаруживается сходное для всех художественное воспроизведение переживаемой эпохи национального бытия. Произведения П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова, В. Г. Короленко, Г. И. Успенского объединяют убежденность в кризисном характере своего времени, сознание того, что Россия находится у черты духовной катастрофы. Образно-художественные поиски и постижение духовных процессов жизни русского общества становятся важным шагом вперед, сделанным писателями второй половины XIX в. Художественные творения П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова, В. Г. Короленко, Г. И. Успенского внесли свой весомый вклад в создание единой и цельной картины духовного русского мира, в познание духовных процессов национальной жизни, широко представленной на страницах произведений отечественной литературы второй половины XIX в.

Анализ конкретного художественного материала позволил, на наш взгляд, уточнить историко-литературное содержание понятия «самоинтенция литературы», весьма близкого по значению категории «самоидентификация». Однако семантическая близость не означает тождественности. Под «самоинтенцией» понимается имманентно обусловленное осознанное стремление искусства слова к постижению природы своей уникальности, в том числе и духовной сферы окружающего мира (духовная самоинтенция). В отличие от самоидентификации, которая характеризует сознание литературы в аспекте самоосмысления собственной идентичности, понятие «самоинтенция» целесообразно применять в тех случаях, когда речь идет о феномене углубленного самосознания — в посылках и перспективах развития словесности.

Исследование отечественной словесности в аспекте проблемы духовной самоидентификации имеет заложенные в ее фундаментальной основе дальнейшие научные перспективы как в синхроническом ракурсе — за счет расширения круга авторов и привлекаемых произведений, так и в диахроническом — путем выстраивания парадигмы на основе представления изучаемого феномена в других кризисно-переходных культурно-исторических эпохах в контексте становления и развития духовного национального самосознания и его отражения в искусстве слова.

Концепция, содержание и результаты исследования нашли отражение в следующих публикациях:

Статьи в научных изданиях, рекомендованных ВАК

1. Кудряшов, И. В. П. И. Мельников-Печерский в русской критике и литературоведении / И. В. Кудряшов // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». — 2005. — № 3 (12). — С. 89—98 (1 п. л.).

2. Кудряшов, И. В. Понимание трагической обречённости русской жизни в предсмертном цикле Г. И. Успенского «Очерки переходного времени» / И. В. Кудряшов // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». — 2006. — № 5 (18). — С. 120—126 (0,7 п. л.).

3. Кудряшов, И. В. Трагедия национального духовного бытия в предсмертном цикле Г. И. Успенского «Очерки переходного времени» / И. В. Кудряшов // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2007. — № 1. — С. 273—278 (0,6 п. л.).

4. Кудряшов, И. В. Особенности художественного сознания В. Г. Короленко в 1885—1896 годы / И. В. Кудряшов // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». — 2007. — № 2 (20). — С. 109—113 (0,5 п. л.).

5. Кудряшов, И. В. Философско-этические взгляды Г. И. Успенского в контексте русской идеи (на материале цикла «Очерки переходного времени») / И. В. Кудряшов // Личность. Культура. Общество. — 2007. — Т. IX. — Вып. 4 (39). — С. 215—224 (0,7 п. л.).

6. Кудряшов, И. В. Проблема духовной самоидентификации в отечественной словесности второй половины XIX века: теоретико-методологический аспект / И. В. Кудряшов // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». — 2008. — № 5 (29). — С. 132—137 (0,5 п. л.).

7. Кудряшов, И. В. К вопросу о духовной самоидентификации в русской литературе второй половины XIX века / И. В. Кудряшов // Личность. Культура. Общество. — 2008. — Т. X. — Вып. 3—4 (№ 42—43) (0,6 п. л.).

Монографии, учебные пособия

8. Кудряшов, И. В. Диалогия «В лесах» и «На горах» в контексте творчества П. И. Мельникова-Печерского: монография / И. В. Кудряшов, Ю. А. Курдин. — Арзамас : АГПИ им. А. П. Гайдара, 2004. — 302 с. (16,7 п. л.).

9. Кудряшов, И. В. Проблема духовной самоидентификации в русской литературе второй половины XIX века : аксиология националь-

ной жизни : монография / И. В. Кудряшов. — Арзамас : АГПИ им. А. П. Гайдара, 2007. — 212 с. (12,3 п. л.).

10. Кудряшов, И. В. Основы литературоведения. Термины, понятия, категории : учеб. пособие / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2003. — 256 с. (15 п. л.).

11. Кудряшов, И. В. Литературоведческий анализ лирического произведения: учеб. пособие / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2004. — 184 с. (12 п. л.).

Статьи, тезисы докладов в сборниках научных трудов и материалов научных конференций

12. Кудряшов, И. В. Пейзаж в дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» / И. В. Кудряшов // Литературное краеведение в школах Нижегородского края. Вып. 1.: сб. науч. тр. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 1995. — С. 62—71 (0,6 п. л.).

13. Кудряшов, И. В. Старообрядческое Заволжье в дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» / И. В. Кудряшов, Ю. А. Курдин // Старообрядчество : история, культура, современность. Вып. 6: тез. науч. конф. г. Москва, 24—25 апр. 1996 г. — М., 1996. — С. 122—126 (0,2 п. л.).

14. Кудряшов, И. В. Китежская легенда в интерпретации В. Г. Короленко («В пустынных местах») и П. И. Мельникова-Печерского («В лесах») / И. В. Кудряшов, Ю. А. Курдин // Короленковские чтения: материалы науч.-практ. конф. г. Глазов, 15—16 окт. 1996 г. — Глазов, 1996. — С. 6—9 (0,4 п. л.).

15. Кудряшов, И. В. Путь от гордыни к смирению (философия и поэтика образов дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах») / И. В. Кудряшов, Ю. А. Курдин // Художественный мир русского романа. Новые аспекты изучения в вузе и школе. Вып. 1 : сб. науч. тр. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 1997. — С. 118—128 (0,8 п. л.).

16. Кудряшов, И. В. Эстетика и поэтика народной поэзии в портретных описаниях персонажей дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» / И. В. Кудряшов, Ю. А. Курдин // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: сб. науч. тр. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2001. — С. 130—140 (0,8 п. л.).

17. Кудряшов, И. В. Сюжетно-композиционное единство романа-дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» / И. В. Кудряшов, Ю. А. Курдин // Художественный мир русского ро-

мана. Новые аспекты изучения в вузе и школе. Вып. 4 : сб. науч. тр. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2001. — С. 69—78 (0,5 п. л.).

18. Кудряшов, И. В. Сюжетность портретных описаний персонажей в дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» / И. В. Кудряшов, Ю. А. Курдин // Художественный мир русского романа. Новые аспекты изучения в вузе и школе. Вып. 4 : сб. науч. тр. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2001. — С. 78—91 (0,8 п. л.).

19. Кудряшов, И. В. Гармония «ума» и «сердца» в философии дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» / И. В. Кудряшов // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре: материалы Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 21—24 окт. 2003 г.: в 2 ч. — Волгоград : Перемена, 2004. — Ч. I. — С. 250—254 (0,35 п. л.).

20. Кудряшов, И. В. К вопросу о философской проблематике романа-дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» / И. В. Кудряшов // Православие и русская литература: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Православие и русская литература. Вузовский и школьный аспект изучения». г. Арзамас, 22—24 мая 2003 г. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2004. — С. 69—74 (0,8 п. л.).

21. Кудряшов, И. В. Хронотоп «лесов» и «гор» в философском контексте дилогии П. И. Мельникова-Печерского / И. В. Кудряшов // Жизнь провинции как феномен духовности: материалы Междунар. науч. конф. Н. Новгород, 22—23 апр. 2004 г. — Н. Новгород: Вектор-ТиС, 2004. — С. 252—255 (0,45 п. л.).

22. Кудряшов, И. В. Проблемы изучения творческого наследия П. И. Мельникова-Печерского / И. В. Кудряшов, Ю. А. Курдин // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. г. Арзамас, 21—23 окт. 2004 г. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2004. — С. 138—154 (0,8 п. л.).

23. Кудряшов, И. В. Феномен народного сознания : духовно-нравственные искания героя рассказа П. И. Мельникова-Печерского «Поярко» / И. В. Кудряшов // Жизнь провинции как феномен духовности : материалы Междунар. науч. конф. Н. Новгород, 18—19 апр. 2005 г. — Н. Новгород: Вектор-ТиС, 2006. — С. 147—151 (0,4 п. л.).

24. Кудряшов, И. В. Рациональное и эмоциональное в рассказе П. И. Мельникова-Печерского «Поярко» / И. В. Кудряшов // Диалектика рационального и эмоционального в искусстве слова: сб. науч. ст. к 60-летию А. М. Буланова / под ред. А. Н. Долженко и др. — Волгоград : Панорама, 2005. — С. 197—200 (0,4 п. л.).

25. Кудряшов, И. В. «По суду любящих имя Твое просвети невежд...» (К проблеме жанра и характерологии хроники Н. С. Лескова «Соборяне») / И. В. Кудряшов // Проблемы этико-художественной преемственности в литературе: сб. науч. тр. / под ред. С. Н. Пяткина. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2006. — С. 116—150 (2,0 п. л.).

26. Кудряшов, И. В. Н. С. Лесков и П. И. Мельников-Печерский : специфика взглядов писателей на раскол Русской Православной Церкви и старообрядчество / И. В. Кудряшов. // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та: Лесковский сб. — 2007: материалы Междунар. науч. конф. г. Орел, сент. 2006 г. — Орёл: Изд-во ОГУ, 2006. — С. 239—243 (0,3 п. л.).

27. Кудряшов, И. В. Трагедия национального духовного бытия в предсмертном цикле Г. И. Успенского «Очерки переходного времени» / И. В. Кудряшов // Православие в контексте отечественной и мировой литературы: сб. ст. / под ред. Г. А. Пучковой. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2006. — С. 364—374 (0,6 п. л.).

28. Кудряшов, И. В. Художественная феноменология изображения духовной жизни народа в творчестве В. Г. Короленко 80-х годов (рассказ «За иконой» и очерк «На Волге») / И. В. Кудряшов // Там же. — С. 416—428 (0,8 п. л.).

29. Кудряшов, И. В. Проблема авторской циклизации «Очерков переходного времени» Г. И. Успенского / И. В. Кудряшов // Русско-зарубежные литературные связи: межвуз. сб. науч. тр. Вып. II / под ред. Н. М. Ильченко. — Н. Новгород: НГПУ, 2006. — С. 137—150 (0,8 п. л.).

30. Кудряшов, И. В. Предсмертный цикл Г. И. Успенского: К проблеме изученности авторской циклизации «Очерков переходного времени» / И. В. Кудряшов // Творчество М. С. Жуковой и русская беллетристика XIX—XX вв.: сб. ст. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2006. — С. 89—99 (0,8 п. л.).

31. Кудряшов, И. В. Предсмертный цикл Г. И. Успенского / И. В. Кудряшов // Синтез в русской и мировой художественной культуре: материалы VII науч.-практ. конф., посвящ. памяти А. Ф. Лосева. г. Москва, 23—24 нояб. 2006 г. — М.: МПГУ, 2007. — С. 174—183 (0,7 п. л.).

32. Кудряшов, И. В. Литературно-философские взгляды В. Г. Короленко 1885—1896-х годов / И. В. Кудряшов // Арзамасские филологические чтения — 2006: сб. ст. / под ред. В. В. Востокова, Л. В. Рацибурской, В. Т. Захаровой, И. В. Андреевой. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2007. — С. 69—75 (0,5 п. л.).

33. Кудряшов, И. В. Проблема *Восток—Запад* в итоговом цикле Г. И. Успенского «Очерки переходного времени» / И. В. Кудряшов //

Арзамасские филологические чтения — 2006: сб. ст. / под ред. В. В. Востокова, Л. В. Рацибурской, В. Т. Захаровой, И. В. Андреевой. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2007. — С. 75—81 (0,6 п. л.).

34. Кудряшов, И. В. Русская идея в художественном осмыслении Г. И. Успенского (на материале цикла «Очерки переходного времени») / И. В. Кудряшов // Карповские чтения: сб. ст. / под ред. Е. П. Титкова, Ю. А. Курдина, И. В. Кудряшова. — Арзамас : АГПИ им. А. П. Гайдара, 2007. — С. 195—204 (0,6 п. л.).

35. Кудряшов, И. В. Отечественная словесность второй половины XIX в. в поисках духовной самоидентификации / И. В. Кудряшов // Там же. — С. 240—250 (0,7 п. л.).

36. Кудряшов, И. В. Г. И. Успенский о восточном вопросе (на материале цикла «Очерки переходного времени») / И. В. Кудряшов // Славянский мир: общность и многообразие: материалы Междунар. науч.-практ. конф. г. Коломна, 22—24 мая 2007 г. — Ч. I. Литературоведение. — Коломна : КГПИ, 2007. — С. 94—98 (0,3 п. л.).

37. Кудряшов, И. В. Трагизм сознания героя-повествователя в «Речных поездках» Г. И. Успенского (цикл «Очерки переходного времени») / И. В. Кудряшов // Нижегородский текст русской словесности: межвуз. сб. науч. ст.— Н. Новгород: НГПУ, 2007. — С. 185—189 (0,5 п. л.).

38. Кудряшов, И. В. Славянская идея в контексте философско-политических взглядов Г. И. Успенского (на материале итогового цикла писателя «Очерки переходного времени») / И. В. Кудряшов // Русская словесность в поисках национальной идеи: материалы Междунар. науч. симпозиума г. Волгоград, 6—9 июля 2007 г.: / сост. и общ. ред. А. Н. Долженко. — Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «ВАГС», 2007. — С. 131—133 (0,3 п. л.).

39. Кудряшов, И. В. «Жутко, жутко в толпе «без Христа!» : трагизм «переходной» русской жизни в контексте славянской идеи (на материале очерка Г. И. Успенского «Непривычное положение») / И. В. Кудряшов // V Пасхальные чтения (Гуманитарная наука и православная культура). — М.: МПГУ, 2007. — С. 51—55 (0,3 п. л.).

40. Кудряшов, И. В. Духовная самоидентификация отечественной словесности второй половины XIX века : теоретико-методологический аспект проблемы / И. В. Кудряшов // Лучшая вузовская лекция. IV. Академическая филология. Литературоведение. Лингвистика. — М.: МПГУ, 2007. — С. 36—44 (0,5 п. л.).

41. Кудряшов, И. В. «Сердца в людях нет ...» : Гл. «Успенский о национальной духовности» (на материале цикла «Очерки переходного времени») / И. В. Кудряшов // Рациональное и эмоциональное

литературе и в фольклоре: материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. М. Буланова. г. Волгоград, 29 окт. — 3 нояб. 2007 г. — Волгоград : Изд-во ВГИПК РО, 2008. — С. 78—87 (0,5 п. л.).

Электронные публикации

42. Кудряшов, И. В. Проблемы жанра и характерологии хроники Н. С. Лескова «Соборяне» [Электронный ресурс] / И. В. Кудряшов // Электронный Вестник Центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению. — СПбГУ, 2006. — Вып. 3: <http://evsrpk.ru/article.php?id=128> (1,8 п. л.).

КУДРЯШОВ Игорь Васильевич
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПОИСКАХ
ДУХОВНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ:
НАЦИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ИЗОБРАЖЕНИИ
П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО, Н. С. ЛЕСКОВА,
В. Г. КОРОЛЕНКО, Г. И. УСПЕНСКОГО

А в т о р е ф е р а т

Подписано к печати 26.08.2008 г. Формат 60×84/16. Печать офс. Бум. офс.
Гарнигура Times. Усл. печ. л. 2,3. Уч.-изд. л. 2,5. Тираж 120 экз. Заказ 428.

ВГПУ. Издательство «Перемена»
Типография издательства «Перемена»
400131, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27

